

*Nie nakarmiony snem ni chlebem,
jak trup nie pojednany z Bogiem,
cóż ja wam pocznę pod tym niebem?*

K. K. Baczynski¹

1

Каллиопа, прими эхо голоса в волнах времён!
Эра гламурных икон оглушает потопом известий
о катастрофах, скандалах и выборах — где лохотрон
жатву исправно срезает, где именем нефти и мести
правит Wall Street, где на порносайтах распущена и завита,
муза, твоя оценённая и обесцененная красота.

2

Ессе homo — съёмных метров. Сам двуног и одинок.
Костерит с утра будильник, пахнет пивом и на кухне
заправляет макароны во вчерашний кипяток.
По привычке доедает то, что к вечеру протухнет.
Одевается, торопится к пределам бытия
в сердцевину небоскрёба. Может — ты, а может — я.

¹ Не утолён ни сном, ни хлебом,
и трупом брошен перед Богом —
что я могу под этим небом?

Собирается в путь старина Менелай,
препоаяшась мечом для порядка,
из Ла-Манчи на кляче в искусственный рай
вдохновенных античных осадков —
в край, где Кальв и Назон дуют шмаль и газон
и встречаются початой канистрой
подходящий состав «Ярославль — Илион»
с недоделанным постмодернистом.

4

Город славы и ярости! Тысячелетним волхвом
с юным сердцем язычества ты на развалине храма
кудри в детстве дирал мне. Теперь помощи. Напролом
через ямы безвременья шаг укрепи — чтобы прямо
от проспекта забытого Октября
ненадёжными улочками Свободы
через тридевятое царство моды
к удалённому Богу по битам ввести и себя и тебя.

5

Старец, как мастерски прячешься ты! Как искусно
влагой уходишь сквозь пальцы сомнения! Светом
штопаешь ткань мироздания — вот, я верчу её! — ты же
всё остаёшься с изнанки... Куда уж — поймать и желаний
счёт предъявить... Над царём своей собственной клетки
уж не смеёшься ли ты?! Или — нет тебя вовсе?!

6

Рады представить Иова Петровича. Пятый год как бомжует. Раньше — верующий бизнесмен. Но вот кинули на квартиру, ушла жена, сам в лишениях. Анекдот, да и только. Месяц пил и обзванивал всех. Друзья давали по мелочи, потом стали бить, мол, нельзя жить опущенным. Спал на стройках. По парапету скользя, костерил всё того же Бога. Уж не помер ли? Как раз наоборот! На Казанском вокзале у пригородных касс на тебя он глядит, пресыщенный днями, и посеячас.

7

Так полюбуйся, из какого сора оно растёт, не ведая стыда...
Спешу, Атрид, кишками коридора, вдоль подоконников с бычками да презервативами, среди настенных шедевров, освещённых в меру сил невывернутой лампочкой, под сенью которой здесь и рос ты и любил.

8

Хлопнем колы с портвейном, патлатая молодость! Ночь ноября — за надёжный предлог. Всадник-ветер нагайкой хлещет вымерший город, содрать норовя жестяную листву с крон домов. Ну, давай-ка, гулкий голос самоубийства, в осенней безжизненной тишине под ноги падай — ахейцем в загремевшей на асфальте броне.

Философы в профессорских сюртуках,
богословы, раввины, идеалисты...

...«есть идея идей» или «вещь в себе» — и в умах
теоретиков, а значит, не слишком близко.

Сколько ангелов у него в игре,
сколько видов имеет его обличье,
доказательств — у его бытия на птичьем
языке в талмуде и словаре?

Перебирай чётки улиц и набережных водоворот, —
площадь Юности, Мира сего, Привокзальная площадь, —
там и съехать с катушек до горних высот,
где стрижи горло свистом полощут,
где неоновый воздух клубится под шелест кленовых одежд,
где игла наслаждений латает лоскутья надежд.

Призрак хотя бы, отблеск нездешнего, дуновенье
мира иного, хора какой отголосок, от крыльев
пёрышко, тень на песке — всё, всё, но чтоб только
ясное, несомненное чудо! Нет его. Да и готов ли
вынести встречу такую? Не лучше ли перебиваться
с чёрствого хлеба молитвы на муть суеверий?

Рады сообщить, что в три часа ночи над Москвой был замечен НЛО с человеческой головой, птичьими крыльями и, как ни странно, трубой, сиявшей не хуже луны. Всё было воспринято как потенциальная угроза Российской Федерации, акт терроризма и разжигание межнациональной розни — в знак несогласия с курсом. После экстренного звонка наверх связались с послами, и каждый свою причастность отверг. Решено замочить ракетой и оформить как фейерверк.

Заведение называлось «Неверующий Фома» и за семьдесят лет пропиталось окриком, маршем, страхом. Этот бомбы ваял или строил канал. Отгуляв обед, другой становился урной с прахом. Богом — Маркс, духом — Энгельс. А по заветам сына и жилось и любилось. И на зубах приручали древнегреческий космос и не находили старика в облаках.

— Как много букв, ну ты писать!

Когда же есть и спать?

— Слабо перестонать «Сплина» или «Любэ» слабать?

— Брателло, всё-таки пробей, что это за Протей?

— Бывали хуже времена, но не было попсей.

А на выходе столько свободы
 разом — жги да гуляй!
 Стал Еранец крутым. Сел Валюха. В разводе
 Катька и спился Николай.
 Голой силушке набычиться-то недолго,
 таперича наша власть!
 — Очкарик, ты нам денег должен! —
 И понеслась.

Чёрный воздух превращается в дождь и кулак, и тут же — в снег
 пьяной пятницы. Назавтра — интеллигентнейший человек,
 для цитаты с примером
 читает Гомера,
 посмеивается над теми троянцами, кто не видал
 ни руна, ни Елены,
 кому эти стены
 с пятиборьем вокруг — не победа, но проигранный и бесславный финал.

В понедельник на планёрку. Новых сообщений нет.
 Скоро восемь миллиардов — и ни одному не нужен.
 Подготовьте прайс к обеду. Дочка поступает в мед.
 Говорю ей: «Ну и дура!» Сколько там берут? Послушать
 вас, так все берут. Не офис, а еврейская семья.
 Кто из вас помрёт до завтра? Может — ты, а может — я.

Выкусите, не ваш, Эринии бандитских кровей —
 по шею в законе, квартале и фене! Змеиные головы фонарей
 клонятся долу — не то с удивлением, не то с пылким
 нетерпением проводить —
 по Которосли²? по Коциту-реке?
 Жить, только жить!
 Отбитое горло бутылки — в руке,
 лёд — под затылком.

А за стенкой гуляют — и пол ходуном.
 Кто от страха поёт, кто рыдает вином.
 Невинный, причастный, случайный
 человеческий голос идёт косяком
 по воде удовольствий и грёз — напролом
 от одной до другой смертной тайны.

Собирать по частям слух и зрение, солоноватый
 вкус во рту перебить вязким матом,
 привалиться к щербатой стене
 и дышать — до истомы...
 Ветер смерти шумит над домами,
 ветер смерти полузабытым знакомым
 заходит за нами,
 с пьянки под руки уводит вовне.

²Река в Ярославле, приток Волги.

С ума сойти — а всё не уберечь
 ни зелень тех зрачков, ни эту речь
 бессмысленную, ни беглянку-осень...
 Ни чуда женской ласки со стыдом.
 Ни колкой Веги сквозь верхушки сосен.
 Ни солнечного блеска на крутом
 изгибе Которосли... Плёнка так
 тонка! Что Трою взять, что сделать шаг.

К Богу ли, дьяволу припадать с этой жаждой?
 Сколько любви да грехов! Ни на грош — оправданий.
 Сказочный ад и акриловый рай — всё пасует
 перед пиршеством чувства. Вот сатир и вакханка
 пляшут. Пустынный Иероним морит себя. Вот неожиданно
 выпита чаша — и вот её ставят на землю.

Рады обнародовать прайс-лист на аренду храма Христа
 Спасителя, прочих услуг. Освящение яхт, вилл. Мзда
 скромная. Со священником — пятьдесят, с настоятелем — до ста
 тысяч в час малый зал. Заказы банкетов, месс,
 презентаций, торжеств, литургий — всё считая без
 охраны. А то недавно какой-то узбек на амвон залез
 да как начал ораторствовать: «Торгаши, убирайтесь прочь
 из господнего дома!» В результате провёл всю ночь
 в КПЗ, дабы ученикам — неповадно, а самому — невмочь.

Ночной пустырь. Шаги в тишине —
вкрадчивые, как гром.

Андрей Мёртвый проулком идёт — темней
мрака, отчётливей звёзд. Под плащом
рука его в прошлом копается, а другая —
посохом пожирает дорогу с ножа.

На голове — то ли грива русых волос Менелая,
то ли патлы бомжа.

Олимпийская народная вера! Вольготно в ковчеге твоём,
только вот обмелевшая ночь ноября зовёт напрямиком
к ненадёжной стене; с неизвестным количеством целых
рёбер и лет впереди; с лицом цвета мела,
припорошенным алой крошкой. Брось
креститься, когда *он* уже за плечом. Всё оружие рядом —
нож бесславной поэзии — самого прошивает насквозь
и не замечает преграды.

Вот и кончена работа. Наконец-то можно взять
пару банок «Ягуара», чтоб уже без остановки
чувствовать себя брэйк-дансом или всех кругом влюблять
в ноги по уши. А дальше — и случайно и неловко
под немецкую порнушку скомканная простыня.
За архангела будильник. Может — ты, а может — я.

Кем быть — до рождения в таком
чернильном аквариуме? Кто веет мистическим холодком?
Ставней хлопает ли, ладонью? Коан ли, проём
застилает оконный? Себя узнаёт в другом?
Сеть из трещин. Поток иллюзий рассыпается стеклянным дождём
по разбуженным небесам и земле. Осколки звенят о своём.
Беззвучный хохот сатори. За воздух держись. К себе домой
иди. А всё, что искал ты, — и так с тобой.